

*С младенчества любезное,
Нам дорого — пойми —
Одно лишь бесполезное,
Забытое людьми.*

Д.М.

Мне почти ничего не снится. Разве что краткие блики в морщинистых лужах, круглоголовые несуразные цветы, дымные сырые темные улицы... и конечно, марка — выцветшая, невзрачная, маленькая. Крупным шрифтом — ОСОАВИАХИМ. И мелко, вдали — едва видимый призрачный аэроплан... Когда я вижу его — сразу перехватывает дыхание. Я немею и никого не могу позвать. Только жадно и бесплодно открываю глаза... Но казенный, звездного холода свет мгновенно рушится со смертельно белого потолка, и я снова проваливаюсь в бескрайнюю ночь.

Осень, зима, весна... Все это время погода в городе шалила без куража и фантазии. Чаще всего — чуть выше нуля. Дождь с мокрым снегом, порывистый ветер, умеренный до сильного... В последние годы сводки синоптиков можно было каждый день и не слушать. Ничего нового почерпнуть не случилось.

Мог ли нравиться такой порядок вещей? К нему, как и ко всему на свете, можно было привыкнуть. Но дыхание неправильности, ущербности, некой опасности так и сквозило в каждом порыве ветра... Да, в конце концов, и чересчур утомительно — всю дорогу реагировать, определяться, не принимать... На том и растратишь себя любимого. Требовалось что-то другое. Верного имени этому не находилось. И пока с формулировкой не получалось, необходимо было плевать на все и жить в предлагаемых обстоятельствах.

Буквы начинали прыгать, срывать с места, седлать друг друга, перескакивать в чужие предложения, коверкать их смысл, а потом и вовсе превращать их в бессмыслицу; а потом и отдельных слов было не разобрать вовсе... Вроде как что-то знакомое, но совершенно не поддающееся пониманию, а то и вовсе издевающееся над здравым смыслом.. Что же такое происходит, где поломка... Следом плыли строки, изгибаясь и тая за краем страницы, гибкие, легкие, свободные; текст бежал как молоко, да и текст ли это уже, не мог ручаться — ни за слова, ни за что иное на полях их бесчинств, взрывавшихся непонятно отчего и бурно набиравших силу... Необходимо было срочно их усмирить, резко привести в чувство, построить стервецов... Ведь только дай этой шантрапе волю — на голову сядут, да они и так уже... Жестче нужно, четче, однозначней — только тогда, даст бог, одумаются и хоть во что-то божеское сплотятся... Равняйся! Смирно!.. Что, непонятно?.. Вычеркну, удалю к чертовой матери, заменяю в два счета... Ах, нет!.. Тогда все по новой, с самого начала, с чистого листа... Итак, раз, два, три, поехали... А это опять вы?.. И снова за свое?.. Это что фильм ужасов?.. День сурка, бред, катастрофа...

И наконец, доходило, что схожу с ума...

Тучи, гирлянды, рекламные перемигивания, смешиваясь, отражались в мелких лужах, редкие заспанные машины теньями проскальзывали по опустевшему неуютному проспекту, громоздкое, довоенной еще постройки сооружение по прозвищу «Сапожок» машинально поздравляло бегущей строкой с давно прошедшими уже праздниками. «Сапожок», «Сапожок»... Тридцатые годы, конструктивизм, вертикальные линии... Образцовый советский универсам, телеграфное агентство, конторы потребкооперации... Чего тут только не было!.. Самое большое здание в городе, жизнь ключом, флаги на башнях... Каждый рубеж — решающий, дорогу в будущее — проложим, выше знамя... Там в книжном продавцом работал один местный поэт — молодой, позитивный, не чуравшийся никакого труда — жить-то надо. Выживает ведь кто? Кто не чурается...

Начало тридцатых, только что отучившийся в Ленинграде инженер Панов-Шаман — ему нет и тридцати — победил в конкурсе проектов Дома торговых организаций другого питерского выученика — Николая Троицына, уже отметившегося «Гармошкой» на Карла Маркса. Радость, успех, перспективы... Главная новостройка, престиж, соответствие линии... Обновление, омоложение, движение... Ну и приглашение, конечно, поработать в стенах создания своего самых дерзких, обещающих, даровитых... Чтобы содержание форме соответствовало. Но речь не об отвлеченных материях шла... Работать нужно было простыми совслужащими. А таланты свои реализовывать после работы. Страна, прежде всего, хозяйственный труд ценила. А высокие искусства — рядом, но не в ущерб службе... Это уж потом, если покажешь себя, а партия востребует... Но для этого надо безустально трудиться на всех фронтах. «Землю попашет, попишет стихи...»

Замутила солнечная дрема
Голубую глубину небес.
Лечь бы на траву аэродрома
И глядеть лучам наперерез.
Хорошо послушать и пилоту,
Как пчела над лютиком поет...
Но готов к высокому полету
В стратосферу грозную пилот.
Вот он — обожаемый, любимый,
Ближих расставанием томя,
Смотрит молчаливо из кабины,
Думы под улыбкою тая.
Может быть, невольная тревога
Робко похоложивает грудь?
Может, землю хочется потрогать
И сказать простое что-нибудь?
Может быть, последнее «прощайте!»
Выражает грусть в его глазах?
Ведь нелегок путь и беспощаден
Нрав слепой стихии в небесах.
Нет! Его бодрят родные лица,
Ласковые взгляды не сводя,
А в руке, как талисман, хранится
Стойкое тепло руки вождя.
И чисты небесные просторы,
И проверен строго самолет...
Загremели мощные моторы,
Прорываясь радостно вперед.
И, ветрами травы пригибая
И послушно ускоряя ход,
Ринулась машина голубая
Круто, торжествуя — в полет!
И вслед орлу мы смотрим гордо,
Щуря восхищенные глаза.
...И мечтают дети о рекордах,
Мысленно взлетая в небеса.

Такие творения поощрения требуют... Питомцу Каллиопы — Союз писателей, а зодчему, специальной музы которому не полагается — Союз архитекторов. Так оно и случилось. Кто бы сомневался...

Архитектор окончил свои дни в столице уже в мою бытность на этом свете. Видел я его только на фотографиях... А стихотворца помню хорошо. На закате дней он замки починял, слесарничал понемногу... Высоких претензий не имел. Об опытах в изящной словесности вспоминал неохотно. При встречах случайных я из него что-то выудить о прежнем пытался. Но тщетно. Он лишь руками махал досадливо... Если торгуешь литературой — это бесследно не проходит.

Навстречу попался взъерошенный нахохленный человек с круглыми глазами, в медицинской маске. Он зыркнул на меня как на врага народа и стремительно посеменил прочь. Наивные едоки пропаганды!.. Брешь масочной ячейки — для вируса целая вселенная.

В каплях ледяного пота на металлической морде Белого Бима отражались пульсирующие немые огни безлюдного проспекта. Над литой собачьей шерстью высился темнооконый безжизненный Кукольный театр в дождевых фасадных потеках. Все куклы давно спали мертвым сном...

Стремительная оттепель с энтузиазмом первых пятилеток демонтировала волшебное здание мужского и женского праздников. Их обломки блестящими рассыпались по тротуарной воде и глухо ложились на дно памяти. И смеркалось уже окончательно.

Я ловил себя на том, что изрядно подрастерял юношескую привязанность свою к этому городу — славному, ветшающему, несуразному, где давным-давно родился и вскоре после того насквозь пропитался смертельной отравой сочинительства. Сладкой и головокружительной. Той, что нынче стала мучительной и бесплодной...

Мокрый ветер пронизывал до костей. По телу ползла отвратительная дрожь... Нужно было срочно согреться.

Оказалось, я так долго собирался зайти в ближайший бар, что за это время он успел благополучно закрыться. Это мое всегдашнее... Правда, я краем уха слышал, что кабаки печатали из-за эпидемии. Но в моем случае вирус совершенно ни при чем...

Странно, что другого заведения — в двух шагах от дома — я раньше не знал. А оно, между тем, работало. Несмотря ни на что и назло всему... Затемненный холл, простая, но опрятная лестница вниз, театральный полумрак с пряными парами порока... Такие заведения не для того, чтобы махнуть стакан, вкратце подумать о своем, сглотнуть горькую слюну да отчалить. Нет, в такие места ни с какого бока не должна пробираться социальная разобщенность. Ее должно оставлять где-то вверху, над мокрым асфальтом, под равнодушными неонами... Здесь нужно сидеть долго, сладко вживаясь в мир приблизительных очертаний, неторопливо наблюдать тусклое и подземное, хищно высматривать, а отчаявшись — придумывать случайного собеседника, без которого все рухнет... Я взял какой-то затейливый коктейль и уселся в углу в гордом одиночестве. Других посетителей в подвале не было. Да и бармен, казалось, время от времени развоплощался в пыльных лучах слабой подсветки... Однако после второго коктейля в смущенную безлюдьем душу робко проникло подозрение, что в зальчике помимо нас с барменом все же есть еще кто-то... Хотя, как я ни старался, разглядеть никого не мог. Даже занервничал отчего-то...

— Курить можно?

— Пожалуйста.

Зачем это я? Не курю ведь вовсе...

Я тупо стряхивал пепел к подножию узкой глиняной посуды, из которой ошалело торчала упрямая голова живучего представителя центральнорыночной флоры. Я не силен в цветах, а потому не мог оценить его родовую принадлежность. Но лохматая куражистая башка его отчего-то подкупала и радовала.

Мой робкий дымок смешивался с пылью, бестолково клубился, нехотя густел... Через полчаса стало казаться, что где-то совсем рядом свое-

вольные никотиновые смолы лукаво оформляются в несомненную девическую фигуру.

Девушка недоуменно огляделась, точно упала сюда с луны, ритуально поправила прическу и не спеша двинулась в мою сторону. Она смотрела куда-то далеко за меня, будто намеревалась пройти насквозь стену этого заведения к желанной невидимой цели. Девушка была ни красива, ни дурна. Правильные черты лица не впечатляли и не отталкивали. Лицо ее виделось редким материалом, на котором легко было изобразить почти невообразимое. И дикую любовь, и безутешную скорбь, и неомраченную радость... Вот уж настоящая находка для хорошего режиссера!

Когда незнакомка поравнялась с моим столиком, я вынул неведомое черноголовое растение из длинной настольной вазочки и манерно протянул ей. Девушка столь же церемонно поклонилась и, лукаво приняв скромный дар, неожиданно приладила его к шершавому борту моего студенческого еще пиджака.

— Люблю решительных.

— ?

— Не самое безоблачное время для знакомств...

— А бывают безоблачные времена?

— Не знаю. Я жила только в своем.

— Присаживайтесь. Мне одиноко. Коктейль?

Она села напротив и пристально посмотрела мне в глаза. Как будто знала обо мне что-то такое, чего другим знать было не дано...

— А ты не пробовала поступать в наш институт искусств, — искренне поинтересовался я, — на актерское?

— Я не отсюда. А в Москве пробовала. Не взяли... А почему ты спросил?

Мы сразу перешли на ты, и это не звучало ни принужденно, ни фамильярно...

— Чтоб убедиться в своей проницательности... А почему ты здесь? — вошел я во вкус расспросов.

— В баре или в городе? В баре — по той же причине, что и ты. В городе — по глупости.

— И как тебе?

— Вполне... Только коктейль дрянной...

— Давай возьмем другой?

— Если смешать — получится еще хуже...

— А ты привереда.

— А как же...

Она, наконец, улыбнулась. Улыбка была хорошей.

— И еще жаль, что здесь совсем мало дыма...

— Ты сильно куришь?

— Нет, не сильно. Я о том дыме, который нам сладок и приятен...

— И которого без огня не бывает?

— Наверное... Пламени я не видела, только лед...

— А ты холодноглазая. Я бы скорей блики на льду увидел...

— Не всем же так везет!

— Это большой вопрос, кому повезло.

Она сделала паузу, отхлебнула коктейль и зыркнула испытующе.

— А я решила, что ты давно уже взрослый...

Наши рывые, отражения забегали вперед и безбожно кривлялись. Их злила безответственная неторопливость нарушителей самоизоляции.

— Вот в этом доме, — тоном завязтого гида сообщал я, — жил Анатолий Пепеляев. Недолго. Чуть больше года. Пока его в тридцать седьмом снова не арестовали... Самый молодой из белых генералов. В двадцать семь лет звание получил. Между прочим, когда его части заняли Пермь, в плен к ним попали двадцать тысяч красноармейцев. Представляешь? А Пепеляев взял да и по домам их всех распустил... Завершение пермской операции пришлось на очередную годовщину взятия Измаила Суворовым. И подчиненные своего генерала сибирским Суворовым окрестили...

А чего стоило его явление во Владивосток из Харбина в двадцать втором году! Казалось бы, если чудом удалось выбраться из России живым — сиди и радуйся. Ан, нет... Поход на Якутск затеял, «милицию Татарского пролива» собирать стал... Громкая история. Закончиться, понятное дело, это могло лишь одним...

А здесь он после долгой отсидки появился. Определили его работать краснодеревщиком на мебельную фабрику — эмигрантский опыт учли. Потом вырос до помощника начальника конного обоза... Поступил, кстати говоря, в наш пединститут, рос над собой. Говорили, что-то писать собирался... Но, по-моему, только письма из-под пера его выходили. В Харбин, жене. Все звал приехать, потому как все вроде устаканилось... Но она так и не ответила.

— Думаешь, зря?

— Я ничего не думаю. Как было, так и было...

— Беспроигрышная позиция.

— А зачем проигрывать за здорово живешь? Победрами мы и так не избалованы... Видишь тот дом через дорогу? Это гостиница «Бристоль». В гражданскую здесь располагался штаб атамана Шкуро. Любил он гостиницы — за пару месяцев до того роскошно пьянствовал в харьковском «Метрополе» по случаю присвоения генеральского звания. На банкете Плевицкая, между прочим, пела... Повелитель жизни! Это потом, в эмиграции, он черт знает в кого превратился... В цирке наездником работал, пытался в кино пристрять, хотя бы в массовке... В Ницце на съемках «Тысячи и одной ночи» с самим Вертинским столкнулся. Принялся расшаркиваться, разъяснять, кто он такой... Но тот его не признал.

Так вот, именно сюда Олеко Дундич в форме белого офицера привез атаману издевательскую депешу, вручил послание и, пока охрана не опомнилась, спрыгнул с балкона второго этажа прямо на коня и поскакал прочь. И ушел ведь... Вы в школе не проходили? Напрасно... Хоть на самом деле о нем мало что известно наверняка. Когда родился, кто по национальности, как звать, наконец... Милутин Чолич? В двенадцать лет он сбежал из дому, добрался до Аргентины и целых четыре года скот перегонял. Стал редким наездником. А в четырнадцатом году он уже чемпион австро-венгерской армии по фехтованию среди унтер-офицеров... Лихой парень! И как его только в Россию занесло?.. Буденный в нем души не чаял. На его глазах под Ровно красавца и подстрелили...

— А что в этом здании сейчас?

— Да все под офисы раздербанили... А вон через дом — тоже занятное строение. Там выпускали городскую газету. А молодой Андрей Платонов сотрудничал в редакции. Этого-то ты помнишь? Ну, ладно, ладно, шутка... Впрочем, он в разных газетах светился, не только в этой. А еще

в совпартшколе учился, в местном университете... И как только успевал? И мелиорацией в области руководил, и электрификацией... И при этом в кафе «Железное перо» частенько сиживал. Общался, так сказать, с собратями...

А еще жениться успел. На любимой девушке Маше. Правда, она от него сбежала и поселилась в шестидесяти верстах от города... Но он ее и там регулярно доставал. И убедил-таки!

А еще он стихи писал. Даже книжку издал. Слава богу, что лишь одну и в провинции. Сердцу не прикажешь...

Отдайся сегодня, вселенная,
Зацветай, голубая весна,
Твоя первая песня весенняя
В раскаленных машинах слышна.

— Конкретный автор. Не убавить, ни прибавить...

Миновав очередной редкого прохожего, спутница моя обернулась и задумчиво посмотрела ему вслед.

— А хорошо, что все маски надели. Лишний раз и притворяться не надо. Все по-честному...

Я улыбнулся, а пожилой сеттер советского разлива остался безучастным. Он терпеливо поджидал добычу...

Мы столкнулись нежданно-негаданно. Он просто остановился и заговорил. Как будто продолжил прерванную минуту назад беседу...

— Да, тогда каждый чихнуть боялся... Это правда. А нынче что, не так? А ты не чихай! Закаляйся, работай над здоровьем. Для себя и для всех — только польза. Как без крепкого организма задачи выполнять? Это же часть страны... А если в стране кто в лес, кто по дрова — тогда пиши пропало... Какое там здравие... Зачем тогда перелеты, передовицы, здравицы?..

Отсюда и беспросветная цыганщина, унылая расхлябанность, романсовая инфантильность... Это ведь заражает не хуже микроба. Просто напасть какая-то... А средство против этого лишь одно. Не позволяй себе того, чего нельзя. И вся премудрость...

Старик глядел куда-то в сторону, и лица его видно не было. Казалось, он говорил то ли сам себе, то ли в пространство... Только световые рекламные полосы частили по вытертому капюшону. Я его, конечно, узнал. Еще бы! Сколько раз при жизни его ляссы точили! Как я уговаривал его прочесть что-нибудь из прежнего! Но автор неизменно и твердо отнекивался. И я уже смирился с мыслью, что затея обречена... Но на сей раз тот явно был под хмельком: кажется, уломал...

Скажи, глаза не застирала мгла,
В испуге ты на миг не замерла,
Когда привстал на краю крыла
И глянула на землю с высоты,
Охваченная ветром быстроты?
Нет, нет! Как резкий ветер был ни груб,
Не в силах был он сдуть улыбку с губ.
Внизу пестрел родной аэроклуб,
Там поднято к надбровьям столько рук
Твоих товарищей, друзей, подруг!

Ты сердцем ощущала в этот час
Тепло дыханья нашего и глаз
И, выполняя дружеский наказ,
Была ты той решимости полна,
С какой заслуживают ордена...

Моя новая знакомая дико посмотрела на меня и с недюжинной силой дернула за рукав...

— До свидания! — только и успел я бросить в разноцветную изморось...

— Странные люди у тебя в приятелях...

— Люди?.. А со странностями я давно свыкся. Что, не понравилось сочинение?

— Да уж не хуже платоновского...

Шли мы долго, но дистанцию осилили смешную. Мое логово было в двух шагах... Часто останавливались, болтали, вглядывались... Я что-то показывал, объяснял, топорно шутил. Но холод все настойчивей редактировал мои рассказы...

Поднявшись по темной стоптанной лестнице, мы оказались в запущенной двушке, полной исчерканными листками и разбросанными книгами.

— Вот здесь я и живу.

— Именно так я себе и представляла, — огляделась она, — берлога зверя изрядного и колыбель дара божьего.

— Ты не далека от истины...

Она деловито прошлась по загроможденным комнатам, презрительно оценила убогую кухонную чистоту и приоткрыла балконную дверь.

— Какое дерево тут у тебя! Представляю, как оно цветет!..

— Я такого уже и не помню...

— Печально.

— Это не самая большая в жизни печаль.

— Если наглухо запахнуть шторы, тогда, конечно...

Увидев свою нынешнюю знакомую впервые, я сразу решил, что в постели она прохладна... Пожалуй, я угадал. Но она умела быть желанной. А это куда важнее, чем физкультурный темперамент...

Волосы ее пахли пеплом. Но вовсе не сигаретным... До дрожи знакомым, но почти забытым... Это плохо горящие свежееопавшие листья на дедовском садовом участке во время осенних каникул, пущенные на растопку желтые газеты тридцатых, обрывки какого-то довоенного тряпья для поддержки капризного пламени... Я исправно ворошил граблями всю дорогу гаснущий костер, а порывистый ветер швырял мне в лицо плотнотелую молодую золу... Дед вздыхал, выносил из домика новые газетные стопки, и очередной Сталин яро сгорал в кратком огне. Но потом все сызнава стихало и меркло...

— А ты не боишься заразиться? — испытующе поглядывая, спрашивала она.

— Приличнее интересоваться этим до, а не после...

— А если серьезно?

— Чему быть, того не миновать. Мужчины должны спать с женщинами...

— Меня всегда забавлял в этом выражении глагол «спать». По-моему, в данном случае они совместно бодрствуют. По крайней мере, в определяющие моменты...

— Никто и не сомневается. Но переходить на вульгарные синонимы душа не лежит...

— Это хорошо, когда лексика старомодна. В этом — многое...

— Неужели я, наконец, нарвался на комплимент?

— Вот уж к чему не приучена...

— Тогда смело расту в собственных глазах. Жаль, старомодная лексика вымирает как класс...

— Вымирать теперь придется и другим классам...

— Это ты по опыту...

— У меня его нет, — легко отрезала собеседница.

Мне было поручено встретить Панова-Шамана на вокзале. И только шагая к перрону, я вспомнил, что никогда не видел его... Но это меня ничуть не смущало. Я был абсолютно уверен, что без труда узнаю гостя. Сложно сказать, на чем основывалась эта уверенность, но иной сценарий был по-любому невозможен... Номер вагона я знал и, стоя чуть поодаль, равнодушно разглядывал неспешно вываливающихся наружу осоловелых пассажиров. Но когда из поезда легко выпрыгнул крепкий быстроглазый мужчина, я ирриво помахал рукой и бодро крикнул:

— Здравствуйте, Александр Иванович!

А потом подлетел к нему и протянул тугой букет бордовых гвоздик.

— Город сердечно приветствует вас!

Панов одобрительно кивнул и задорно улыбнулся.

— Как доехали? Надеюсь, без накладок.

— Да, все замечательно. А я уж думал, что больше никогда на родину не попаду...

— А я думал, что вы лишь экс... Но экспертными оценками в Госстрое занимаетесь...

— Занимался. По той жизни... А теперь жизнь другая.

— Вы один? Или с рабочей группой.

— Один, как видишь...

— Группу сформируете из местных специалистов?

— Посмотрим... Я уже никаких местных специалистов не знаю. Разве что Троицына Николая...

— Прекрасный архитектор! Но...

— Загубил весь облик города... Навязчивый пафос, дешевая монументальность, ложная многозначительность... Я ему и в глаза говорил... Нет, уж кого-кого, а его привлекать не стоит...

— ...но ведь он умер.

— Это не имеет значения.

— А не могли бы в двух словах рассказать о поставленных задачах? Сгораю от любопытства...

— Тут никакого секрета нет. Вы наверняка знаете дом «Сапожок»?

— Конечно. Вы же его построили. Еще до войны...

— Приятно, что помните... Это такой центр общественной жизни. Я еще и трибуну перед ним спроектировал. Для массовых мероприятий... Но нынче это не актуально... Итак, «Сапожок» в городе один. Понимаете?

— Не очень.

— Чем мотивировано появление этого объекта? Идеей революцион-

ной сплоченности. А что важнее всего для страны сегодня? Социальная разобщенность. Стало быть, вся жизнь должна быть децентрализована. Какой отсюда следует вывод? «Сапожков» должно быть много. Десять, двадцать, тридцать... И построить их нужного не за десять лет, а в очень сжатые сроки. Максимально быстро. Может быть, с привлечением военных... Поглядим. Разберемся.

— Вы сейчас в областную администрацию.

— Да, в Дом обкома. Тоже ведь мое детище... Хотя, наверное, это уже совсем другое здание...

— Машина ждет на площади...

Панов иронически улыбнулся, извлек из портфеля бубен и начал громко выстукивать что-то ритмичное и напористое. Я заворуженно слушал. Минуту, две... А потом заметил, что на спине и руках его стало стремительно множиться оперение. Я глянул на свои руки и обнаружил те же перья...

— А что тебя смущает? Я ведь из столицы тоже прилететь хотел. Но погода нелетной была. Вот и пришлось на поезде колдыбаться... А сейчас солнце, тишь, красота... Заодно и места под строительство присмотрим...

Он летел легко и быстро. Портфель на прочном ремне послушно болтался под сердцем. Но я вполне поспевал за пернатым вожатым, и это меня удивляло и успокаивало...

— Вон за мостом — Отрожка. Я там среднюю школу проектировал... Район дальний, народу много, место перспективное... Берем на заметку. А на правом берегу неподалеку я отметил общежитием СХИ. Тоже интересная локация... Так, улица Ленина. Еще школа. И пожарное депо... Здесь частный сектор надо расчищать. А вон там в Первомайском должен быть Летний театр... Что это за притон церковников там? Взорвать к чертовой матери!.. Городу площади нужны... И еще — уже почти у цели — сквер «Борьбы с белым террором». Здесь трудно будет что-то втиснуть... Но нам ли пред трудностями пасовать?..

— А это зачем?.. «Сапожок» тут совсем рядом!..

— Вот именно, что рядом!.. Но мы реформатируем пространство, умножим дистанции, сделаем горизонты необозримыми...

Шаман притормозил и, распахнув крылья, завис. Те стали стремительно расти, а дома внизу отдаляться друг от друга, улицы удлиняться, площади шириться... Когда крылья заслонили все небо, под нами осталась лишь пустота...

Я проснулся от собственного крика и вскочил с кровати. Моя знакомая только поморщилась во сне...

Она лежала на левом боку и надменно отпускала колкости. Знала, чертовка — линия бедра что надо...

— Бабы предпочитают недалеких циников с пошлым цветком в петлице...

— Поэтому ты здесь?

— Да когда ж мне твой цветок было разглядывать?..

— А ты всегда закатываешься в постель к первым встречным?

— Знаешь, я этакий колобок, что бежит ото всех неведомо куда. А если по недоразумению на горке оказывается, то пугается вдруг... И все норовит пошустрее с нее скатиться — в яму, в заросли, в тартарары... И знает, что бока обобьет. А ничего поделать с собой не может... Так вниз и глядит... В подлесок, в сумрак, в безумие...

— У меня было такое. Несколькими годами назад. Тогда я писал книгу о мертвых стихотворцах, странное сочинение из обрывков зрительских ощущений, застольной околесицы, полузабытых снов вперемежку с лучшими строфами разномастных моих давних знакомцев.

«...эта книга обязана своим появлением на свет впечатлениям от личных встреч автора-составителя с поэтами, представленными на последующих страницах. Иных случилось увидеть в детстве и лишь мельком, с другими регулярно общаться в сознательном возрасте, а с некоторыми дружить до окончания их земных дней. Поэтому слово «взгляд» в подзаголовке книги должно пониматься буквально, и выбор поэтических имен обусловлен исключительно обстоятельствами жизни вашего покорного слуги. А выбор стихов — его читательским вкусом. Так что данное собрание произведений изначально задумано и реализовано как продукт субъективный и никоим образом не претендующий на полноценное отражение и ранжирование литературных персоналий и художественных значений».

Я кочевал в ту пору по друзьям, приятелям, просто знакомым... Выпадал из контекста, исчезал из жизни...

— И остался циником.

— Так ты же сочинения моего не читала...

— Знаешь, я давно заметила, что впечатление от книжки предваряет ее прочтение. Даже в детстве горькими слезами по несчастной собаке обливалась, еще и ни повести не прочитав, ни фильма Ростоцкого не видя... В чем тут дело, объяснить не берусь. Может, чужие пересуды заранее внутри оседают, может, флюиды какие словарные скопления излучают...

— Тогда книгу тебе дарить и не буду...

— А я — просить.

— Ну, вот и поладили...

Перерывы на болтовню западают глубже того, что они прерывают... Тоже не берусь объяснить.

В тот вечер по своему обыкновению я прогуливался мимо металлического пса и размышлял о перспективах. Страны, города, своих личных... Занятие это настолько же затягивающее, насколько бесплодное. Но зато можно всласть поиграть аргументами, поплескаться из пустого в порожнее жгучие эмоции, забыть, наконец, про день нынешний. Даже самое мрачное будущее всегда подсвечено утешительными огнями его падающих вариантов.

И как можно отказаться от роскоши любоваться ими? Чем гуще вечер, тем они ярче, четче, заманчивей. Кажется, что, только глядя на них, и можно войти в свое неопишимо близкое завтра...

Радуюсь безлюдью, я шагал самозабвенно и неспешно. Так пустынно и просторно в самом центре не было никогда. И ни одной машины... Тишина. Редкая и полнокровная. Ради нее и шагаешься как сомнамбула по отеческим камням... Но вдруг у меня за спиной как будто что-то лопнуло. Прочное, надежное, могучее... Резкий такой, пугающий звук. Я обернулся и увидел, что литая собака вырвала свою переднюю лапу из низкого пьедестала. На ее рукотворной холке выступила обильная испарина. На моих глазах собачий хребет напряжился, и вторая лапа отскочила от основания... За лапами последовал узкий зад... Пес повернулся ко мне,

и я невольно попятился. Пару минут мы недоуменно разглядывали друг друга...

Я никогда не держал собак. Но любил читать о них. И в голове у меня мигом высветилось то, что, казалось, выветрилось безвозвратно...

Существуют свидетельства об участии собак этой породы в охотах графа Лейчестера еще в XVI веке. Но многие исследователи утверждают, что эта порода выведена в XIX столетии сэром Эдвардом Лавераком, скорее всего, это преувеличение, так как порода формировалась веками, но Лаверак, подвел итог многолетней работе, разводивший их в большом количестве и путем близкого родственного разведения закрепивший свой тип в породе, который примерно сохранился до наших дней. Поэтому английских сеттеров часто называют лавераками...

А пес, между тем, не спеша сошел со своего едва возвышающегося над тротуарной плиткой пьедестала и медленно направился ко мне...

Сеттер — легко обучаемая, общительная, преданная, игривая и темпераментная собака. Обоняние и слух у этой породы очень хорошо развиты. Сеттеры имеют врожденную способность к поиску дичи. Их щенки проявляют интерес к птице уже в самом раннем возрасте... А люди, далекие от охотничьего промысла, заводят сеттеров из-за их дружелюбия, уживчивости, огромной любви к хозяевам и особенно к детям...

Металлический пес засеменял шустрее, и я быстро двинулся прочь...

Английский сеттер имеет безудержную врожденную страсть к охоте. Преследуя дичь, собака движется экономящим стеллющимся галопом...

Невиданное четвероногое ускорило, и я побежал со всех ног... Ни черта себе дружелюбие! Или это жуткое создание видит во мне дичь? И я — птица на съедение? А ведь этот монстр по большому счету прав... Я бежал бесконечно долго, и казалось, вот-вот взлечу. Но начал выдыхаться, спотыкаться, гаснуть... И тогда точно два кастета ударили мне в спину, и я полетел лицом наземь... Но уткнулся в потную мятую подушку...

Радио вещало о количестве новых случаев, мерах борьбы и ужесточении ограничений.

— А знаешь, болезнь начинается вовсе не со слабости и кашля, потом — температуры да одышки... Хвороба начинается с галлюцинаций. Они являются намного раньше всего прочего. За многие годы... И тебе все чудятся и чудятся мнимые люди, воздушные замки, великие книги... потому как вирус давным-давно в крови... А в эфире сплошные сказки рассказывают.

Я слушал ее измышления и разглядывал странное исчадие флоры, облюбовавшее лацкан моего пиджака. Цветок напоминал гвоздику, но был много крупнее, непричесанней, и кровь его была неправдоподобно темной...

— Можно подумать, что мединститут заканчивал не я, а ты.

— А в этой ситуации совсем не нужно быть медиком. Ты только послушай, что они несут, — кивнула гостя на репродуктор, — и много раньше несли... Ты не находишь, что это звенья одного процесса?

— Патологического?

— Если болезнь принять за норму, вопрос, разумеется, снимется...

— Поди разбери, где болезнь, а где норма... А где вообще эти категории неприменимы. Я, например, в последние годы имею дело исключительно с тенями — это совсем не только о мертвецах. В конце концов, не так и важно, кто по какую сторону Леты, ведь и многие так называемые

живые уже давно распрощались со своей прежней физикой. Куда ж деваться от карусели превращений? Человек призван расставаться со своим образом. И сплошь и рядом — досрочно...

— Так и должно быть.

— Наверное. Но такого я прежде не проходил. Вот и попробуй разгляди, где обманка... Помнишь, от какого типа ты меня вчера оттащила?..

— Это наверняка была явь. Сама видела... Новая, прости господи, реальность.

— Так они же все из старой...

— Ну, тогда прочти мне что-нибудь из старого.

— Наконец-то девушка попросила о высоком...

Мартовский дождь умножает печали —
нужно вычеркивать из записной...

Присно весна наступает в Аиде,
но не в своем победительном виде —
в мареве сумрачном, в робком начале...

В царстве живых пробирает весной.

— Вот и хорошо, что в тему. Обобщает впечатления. А то завтра я улетаю...

— К чему такая спешка?

— Не могу без дыма...

— Синдром отмены?

— ...того, что обещает, голову кружит, отравляет... Это лишь кажется, что он клубится только — и все... А выходит так, что без него ничего живого и не появляется. Именно в нем корпускулы жизни... А здесь он почти рассеялся...

— В столице кальянные тоже закрыты.

— Дурак ты... Белокаменная, слава богу, большая... Давай тоже собирайся. А я тебя там встречу...

— А дальше что? Это же чистая авантюра... И ведь там умирают...

— Там излечиваются... А это не авантюра — кругом общаться с фантомами?

— А еще можно? Карантин же...

— Пока можно... Да ты всю жизнь на карантине... Еще чуть-чуть — и он для тебя навсегда...

Перед моим окном росло коренастое дерево. А может, давно уже и не росло, а лишь каким-то чудом держалось в прежних формах... Когда я был маленьким, это дерево уже было старым. Приземистым, разлапистым, кривым. На нем неохотно вспухали почки, листья ежились и выцветали, ветви устало клонились к земле... В школе я прогуливал ботанику и не знал его породы. Да и позже так и не собрался выяснить... Меня всегда увлекало другое. С детства я собирал марки. Причем любил я марки довоенные, редкие, дорогие... С первыми полярниками, задорными трактористками, бесстрашными летчиками. Понятное дело, коллекция моя была убога. Сообразно копейкам, которые мне для ее пополнения выдавались. Но я исправно посещал воскресные сборища филателистов в парке Живых и Мертвых, придирчиво разглядывал товар, деловито справлялся о цене... И с презрением принимал весь этот торгашеский мир, чтобы только иметь доступ к заповедным своим картинкам.

Повзрослев, я вошел в мир сочинителей, где торгашества тоже хватало... Окончил вуз, занялся врачеванием, сам принял учиться уму-разуму кого ни попадя... Лихо женился и мучительно разводился... А дерево жило своей тихой жизнью. И я так привык к узловатой ветхости закорюзлого растения, что просто перестал замечать его...

Не в моих привычках бесцельно глазеть в окно. Но в этот раз я задержался перед ним дольше обычного. Трудно судить, насколько случайно. Потому как мой древесный визави будто именно этого и ждал... На угловатых голых ветках обозначились вдруг пронзительно алые точки. Они стремительно множились и росли. Через несколько минут они закрасили собой все изломы сучьев, выдавший виды перекошенный ствол, воздушные прогалы кроны... И слились в яркий кровавый шар во все окно. Он резал глаза, слепил, вышибал слезу. И невозможно было как следует рассмотреть его и понять, что происходит...

Я прикрыл веки, чтобы сетчатка подуспокоилась. Но настойчивый свет проникал насквозь. Пришлось отвернуться... И я увидел оконное отражение в зеркале. Оно чуть скрадывало непроглядное каление древесной крови, и можно было вглядеться пристальней... Сотни кричаще-красных гвоздик угрожающе уставились на меня с невидимых ветвей. Они глядели с неясным укором и очевидным издевательством. Да еще пытались сконцентрировать свой убийственный жар у меня за грудной... Я схватил табуретку и что есть силы швырнул его в зеркало. Стекло разлетелось в мелкую пыль, но отражение осталось невредимым...

Открыв глаза, я определился во времени. Было уже совсем не раннее утро. Я был в квартире один. На стуле висел мой пиджак студенческих времен. Но нагрудный цветок исчез. Верно, надоело делать из меня дурака?..

Тяжко вывалившись из постели, я безрадостно направился в ванную. Но на полпути вдруг остановился и, обернувшись, глянул на стол. Там лежали мой паспорт, всю дорогу загадочно кочующий по квартире, и записка. «Жду. Электронный билет купила». И мелко — номер рейса.

Слова принимались хулиганить, нагло подмигивать автору, оплевывать друг друга, корчить издевательские рожи, пускаться в оскорбительные пляски, умопомрачительный хоровод... а потом их и не разобрать ни за что... происходило что-то странное, страшное, отвратительное... будто кто-то мстил сочинителю, потешался, показывал козу... и не было другого выхода кроме как сгрести всю эту братию подчистую да и швырнуть с присвистом в корзину... боже мой, на что приходится тратить свою единственную и невозполнимую! — но по-иному уже не выйдет, ведь больше у тебя ничего нет, совершенно ничего — по нулям... потому и остается терпеть, не срыватьсь, ждать своего часа. И когда же он — твой час?..

Если в безбашенной юности своей я беспечно подсмеивался над старческими мышцами пропаганды, то теперь в полной мере осознал свое верхоглядство. Она и поныне очень даже способна так дать по мозгам, что от последних мало что останется. Все будет обосновано, разъяснено и вроде бы правильно. И лазеек для неверия не будет. И люди напялят на лица жуткие маски, и отпрянут друг от друга немедленно... Если нужно — значит нужно. А кто не понимает этой простой истины — тупица, сволочь, враг... А как прикажете поступать с врагами?

Впрочем, если объявят указ маски снять — уж на улице в них точно проку нет — люди нисколько не удивятся. Конечно, толку никакого. Коню понятно... И дружно без лишних вопросов сорвут постылые тряпки со своих понимающих лиц.

Наводя порядок, она бог весть куда засунула все мои рукописи. Я битый час искал их и в самых возможных, и в самых невероятных местах. Потом испугался, что убогие плоды трудов моих благополучно проследовали через мусорное ведро на помойку... И уже решил, что это, возможно, и к лучшему... Но вдруг обнаружил жидкие листы беспросветно черного цвета сложенными аккуратной стопкой прямо на письменном столе. После минуты молчания пришлось за него сесть...

Фразы выламывались, кривились, вертели хвостами... истово соревновались в изломанности и глупости, щерились недобро, будто знали о своем родителе что-то постыдное... Отвратительная, лукавая, скользкая братия... почему так давно не складываются наши отношения?.. что такое случилось?.. и пройдет ли, заживет?.. и чем дольше причитаешь, тем вернее знаешь ответ... Но категорически не желаешь его знать.

Автобус пришлось ждать долго, и уже сильно за вечерело. В «Икарусе» было лишь несколько пассажиров. Они сидели по разным углам салона. Я тоже уселся к окну поодаль... Люблю смотреть из окна. Проспект Революции, площадь Вождя, Плехановская... Людей почти не было. Машин тоже... И мы летели, как на крыльях.

Хоть и заметно стемнело, в редких прохожих я узнавал многих своих знакомых. Сто лет не виданных, едва узнаваемых, давным-давно уже существовавших в каких-то иных измерениях. Истероидный врач, писавший причудливые блюзы в прозе, безоглядный художник, соорудивший стул для исцеления от жлобства у здания прежнего обкома, любвеобильный актер из «Синих коней на красной траве», бежавший в провинцию от Марка Розовского... Я бы с радостью поговорил со многими. Но скорость и стекло... Что ж, видно, и в самом деле сослагательное наклонение — дежурный спутник непоправимости.

О чем говорят сны? Что означает всеобщее смятение? Почему мне выпала эта история? Я слишком долго всерьез думал, будто все на свете — даже самая ничтожная мелочь — что-то непременно в себе таит. Будто ничто не бывает бесцельным, случайным, отдельным. И везде — знаки, подсказки, ответы... Нужно только уметь их видеть и понимать. И я долго учился этому. Вглядывался, терзался, слушал себя... Но так и не смог достичь особого зрения. А может, я пытался увидеть то, чего никогда и не было... Но в один прекрасный день пришло ощущение, что всякая вещь живет просто так и ни для чего. Мир мигом рассыпался на острые и жалкие осколки... И смотреть на вещи стало легче и беспечальней. Только и вопросов прибавилось непомерно... Может, это месть за детские заблуждения? За идиотскую попытку свести все воедино? За бесцеремонное стремление заглянуть в непозволенное?.. Умножение вопросительных знаков не искупает мнимой вины.

Еще издали я увидел, что из здания аэровокзала кто-то выходит, и это меня воодушевило. Значит, аэропорт работает!.. Я выскочил из автобуса и кинулся ко входу... С третьего раза прошел рамку и дежурных

блустителей, выдохнул и уверенным шагом направился к стойке регистрации. Но за ней никого не оказалось... Я сунулся в кассу, но она была закрыта. В окне администратора была выставлена табличка «закрыто»... Я вернулся к скучающим парням у входа. И они указали мне на электронное табло... «Все рейсы временно отменены».

— Это из-за погоды?

— Если бы...

— Значит, и наземный тоже обрубили?..

Меня всегда подводило прошлое — и мое, и всего города. Дразнило, изводило, предавало... Свершившееся самодостаточно. И не стоит протягивать к нему руки... Это большая чушь, будто все повторяется. Все происходит впервые. Если только блики какие... И нужно отдавать себе в этом отчет, а не искать сомнительные аналогии в днях минувших. Параллели не выручают, только что потешают... Разве это не круто — обняться с небытием?

Я толкнул наугад дверь на балкон второго этажа. Она оказалась незапертой... Загородка была мокрой и холодной. Прямо подо мной в разбавленном неоновом молоке плавал еще живой, огромный растрепанный цветок... Мелкие нахохленные самолеты гнездились поодаль. Сигнальные огни жестко краснели по периметру. Темные бензозаправщики недоуменно жались к взлетным полосам... Частые железные прутья надежно хранили потного наблюдателя от близкого черного неба. Поздний нещадный ветер бил под дых, и дышать становилось все труднее... Меня резко накрыл приступ свирепого кашля — за грудиной ожил нещадный наждак, горло стянула невидимая веревка... Задыхаясь, я попытался позвать на помощь... И меня сразила собственная наивность.

